

зная материала, мы не придумывали интерпретаций. Поэтому историку биологии, вероятно, соответствующий график на рис. 1 скажет значительно больше, если он заглянет при этом внутрь указателя на список учтенных изданий.

Еще одно элементарное возражение утверждает, что о развитии науки следует судить не по числу журналов, а по более точным индикаторам типа числа и объема публикаций или хотя бы числа томов журналов. В принципе это, конечно, правильно, но надо сказать, что главной неожиданностью для нас при выполнении этой работы было то, насколько характерными и информативными оказались полученные графики. Поэтому, вероятно, следует принять не как логически доказанный тезис, а как эмпирический факт, что «журнал» оказывается вполне работающей единицей измерения. Вряд ли наши выводы кардинально изменятся, если проделать расчеты в более мелких единицах.

Вместе с тем настоящее исследование ни в коем случае не является исчерпывающим, а наоборот, захватило лишь очень тонкий, лежащий на самой поверхности слой информации, заключенной в анализируемом указателе. Не говоря о том, что мы обработали лишь около одной десятой его содержания, осталось еще много возможностей, для реализации которых потребуются, вероятно, машинный счет. Можно классифицировать издания по географическому принципу, и тогда мы увидим, например, как показывают наши предварительные прикидки, что события 1929 г. оказались катастрофическими прежде всего для российской провинции. Можно распределить издания по издающим организациям, и это покажет степень влияния на науку различных ведомств. Можно изучить время жизни изданий и корреляции. Предположительно издания, открывавшиеся в конце 1920-х годов, имели тенденцию закрываться в конце 1930-х. Наконец, можно придумать, как состыковать указатель с другими имеющимися библиографическими справочниками, построенными, к сожалению, по другим критериям, и тем самым расширить хронологическую область описания. Надеюсь, что все эти и многие другие вопросы еще будут исследованы, мы посчитали, что полученные результаты уже достаточно содержательны для публикации.

Список литературы

1. Периодическая печать СССР (1917—1949 гг.). Вып. 1. Журналы, труды и бюллетени по общественно-политическим и социально-экономическим вопросам. М., 1958. — 318 с.; Вып. 2. Журналы, труды и бюллетени по естественным наукам и математике. М., 1956. — 220 с.; Вып. 6. Журналы, труды и бюллетени по культурному строительству, народному образованию и просвещению. М., 1956. — 198 с.
2. Кожевников А. Б. Этапы научной политики в СССР (1917—1941). // Вторая конференция по социальной истории советской науки. М., ИИЕТ АН СССР, 21—24 мая 1990 г. / Тезисы. М., ИИЕТ АН СССР. — Препринт № 35. 1990. С. 26—27.
3. Хайтун С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы. М., 1983. 344 с.
4. Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966. С. 281—384.
5. Ростов А. Дело четырех академиков // Память. Исторический сборник. Вып. 4. Москва, 1979. — Париж, 1981. С. 469—495.
6. Неретина С. С. Историческое сознание в канун революции // Общественные науки. 1989. № 6. С. 173—189.

Б. Ш. ШАТОНОВ, С. Б. ШАТОНОВ (Улан-Удэ)

**А. А. и П. А. БАДМАЕВЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ ВОСТОКА В РОССИИ**

В середине XIX в. в журнале Министерства внутренних дел России была опубликована статья этнографа Н. С. Щукина «Буряты», в которой рассказывалось о разных сторонах хозяйственно-бытового уклада жизни бурят, но больше всего ученого-этнографа поразило то, что этот народ, издавна занимающийся скотоводством и охотой, имеет обширные медицинские познания и практические навыки врачевания. «Медицинские сведения, коими обладают буряты, пришли к ним преимущественно с буддизмом, с тибетской литературой, с заведением училищ для обучения лам. Но и до прихода буддизма буряты владели своей собственной медициной или врачеванием. У бурят теперь есть две медицины: тибетская и своя старинная. Первая в руках лам, вторая в народе и передается наследственно от отца детям» [1, с. 415]. Эти наблюдения ученого-этнографа вполне соответствовали реальному бытию и сознанию бурят той поры. У них выработались обширные познания в области анатомии, физиологии животных и навыки ветеринарии. Эмпирически добытые знания в этих областях использовались и для лечения больных людей, и на этой основе формировалась бурятская народная медицина. Обилие горной и степной растительности позволяло бурятам путем многолетних проб и ошибок отбирать те из них, которые после тщательной обработки использовались как сырье для приготовления лекарственных средств. Многие врачеватели были большими мастерами в этом деле. Многовековое общение бурят со своими южными соседями — монголами, тибетцами, китайцами и маньчжурами — явилось причиной того, что буряты оказались у истоков проникновения феномена тибетской медицины в Забайкалье и Россию. Носителями знаний по тибетской медицине были эмчи-ламы. Первые бродячие ламы появились в Забайкалье в конце XVII в., а в 1712 г. сразу же появилось 100 монгольских и 50 тибетских лам, бежавших в Забайкалье от военных беспорядков в Монголии. Эти ламы стали «приобретать доверие среди бурят, входя в семейные связи и вступая в брак, вопреки правилам буддизма. Постепенно они слились с бурятами, от которых стали отличаться только внешностью: брили голову, одевались в ярко-желтые и красные костюмы, носили особого покроя воротники, четки и другие принадлежности одежды, принятой у буддийских духовных лиц» [2, с. 16].

Деятельность монгольских и тибетских врачей в Забайкалье сказалась в том, что они подготовили молодых и одаренных юношей к принятию новой веры и связанной с ней медицины. Одним из первых в далекий и загадочный Тибет отправился пешком даровитый юноша Дамба-Даржа Заяев.

В те времена Тибет был закрытой страной. Туда проникали только буддисты-паломники из соседних стран, преодолев нелегкие испытания на всем пути следования до святыни Лхаса. Во дворце Потала талант юноши был замечен: его наставниками стали Панчин-богдо и Далай-лама. После 7 лет обучения в Лхасе

Дамба-Даржа Заяев был возведен в сан гелена¹, богато снаряжен, возвратился в Забайкалье. Через 30 лет, в 1764 г., он был утвержден в звании главного Бандида хамбо-ламы всех буддистов, обитающих на южной стороне Байкала.

Получившие в Тибете и Монголии медицинскую подготовку ламы-врачеватели из числа бурят теперь уже сами стали учить даровитых юношей врачебной науке Тибета. В Цугольском, Ацагатском и Агинском дацанах² были организованы медицинские школы, налажено печатание книг-ксилографов, отбор юношей для учебы в школах осуществлялся в соответствии с их способностями. Со временем из среды талантливых врачей-врачей выдвинулись ученые-медики высшей квалификации — маарамбы.

Для совершенствования подготовки лам-врачей тибетской медицины требовались соответствующие руководства. Главным руководством и настольной книгой врачебной науки Тибета издавна считалось классическое сочинение «Чжуд-ши». Заслуга бурятских врачей как носителей знаний бурятской народной и тибетской медицины состояла в том, что они первыми в Забайкалье и Российской земле перевели «Чжуд-ши» на монголо-бурятский язык и сделали это сочинение основным учебным пособием медицинских школ. Теперь известно, что этот перевод «Чжуд-ши» сделан в Бурятии в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. Главным редактором перевода «Чжуд-ши» был известный ученый-лама Г. Ж. Дылгыров, славившийся своим искусством врачевания по системе медицины Тибета. Однако еще задолго до появления этого сочинения в переводе Дылгырова у немалого числа лам-врачей имелись свои переводы «Чжуд-ши», как это имело место, например, у талантливого ламы-врача Цультима Бадмаева.

Таким образом, усилиями бурятских лам-врачей главное руководство по врачебной науке Тибета «Чжуд-ши» становится доступным учебным пособием по подготовке врачей тибетской медицины в отдельных, наиболее влиятельных дацанах в Бурятии, Забайкалье и Восточной Сибири.

В 1805 г. русский врач И. Реман, участник неудачной экспедиции графа Головкина в Китай, во время пребывания в Забайкалье сделал для себя ряд примечательных открытий. Во-первых, в агинских степях Забайкалья доктор Реман встретил знаменитого в этих краях представителя тибетской медицины, искусного бурятского ламу-врача Цультима Бадмаева, имел с ним беседу, по достоинству оценил его человеческие качества и талант врача, а во-вторых, в купеческом городе Кяхте, расположенном на русско-монгольской границе, ему посчастливилось приобрести комплект медикаментов тибетско-китайской медицины.

Знакомясь с представителями тибетской и бурятской медицины из числа бурятских лам-врачей, которых в Забайкалье и Даурии было немало, и выведывая секреты их искусства распознавания болезней, врачевания и приготовления лекарственных средств, доктор Реман сделал для себя еще одно открытие. Оказывается, представители тибетско-бурятской медицины в своей врачебной практике исходят из концепции, согласно которой, во-первых, лечить надо не столько болезнь как таковую, сколько организм в целом как носитель болезни, а во-вторых, лекарством для больного может служить все, что существует в мире и окружает человека, включая пространство и время, поскольку организм погружен в них и пребывает под их постоянным воздействием. Для врача, воспитанного на традициях европейской медицины той поры, увиденное и услышанное в степях Забайкалья было настоящим откровением, осмыслив которое, он проникся глубоким уважением ко всему тому, что составляло для него систему врачебной науки Тибета.

По возвращении в Петербург доктор Реман позаботился при содействии известного в ту пору ботаника Редовского сделать описание приобретенной им в Забайкалье первой коллекции тибетских лекарственных средств и ознакомить с ними медицинскую общественность столицы России. «Краткое описание открытой мною небольшой коллекции медикаментов для европейского ученого медицинского мира — драгоценный подарок, — писал доктор Реман. — Учение о лекарствах, употребляемых в отдаленной Азии, в особенности же в Тибете и Китае, нам еще так мало известно, и сделанные прежними путешественниками исследования по этому предмету так скудны, что каждое наблюдение, могущее осветить этот вопрос, будет

¹ Гелен, гэлэн, гелюн — степень монашеского посвящения в ламаизме.

² Дацан — монастырь ламаистской церкви.

новым богатым приобретением в области естествознания и лекарствоведения, в частности» (цит. по [2, с. 18]).

Доктор Реман издал брошюру, где писал, что составляемые бурятскими ламами-врачами лекарственные смеси, называемые ими «тан», очень сложны по составу: обыкновенно «тан» состоит из 25—40 ингредиентов неорганического и органического свойств. Доктору Реману во время пребывания в Забайкалье случалось видеть у лам-врачей несколько образцов подобной сложной смеси, но он писал: «Я не мог получить каждый раз точного ответа, указания, в каких случаях и при каких болезнях следует употреблять ту или иную смесь порошком, так как ламы всегда предлагали мне искать объяснения, которые изложены в их медицинских книгах» [3, с. 36].

Доктор Реман, как врач европейской системы медицины, при первом знакомстве с элементами системы врачебной науки Тибета испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, он понимал, что изучение этой необычной системы медицины связано с серьезными трудностями языкового порядка, и считал, что для того, чтобы узнать что-либо более положительное и более удовлетворительное относительно этой *materia medicae*, нужно иметь терпение подождать, пока тибетские книги, которыми руководствуются ламы в своей терапевтической практике, будут переведены на русский язык. С другой стороны, доктор Реман был хорошо знаком с врачебной деятельностью Цультима Бадмаева, с его методом распознавания болезни, способами изготовления лекарств и лечения больного. Все это оставило в его сознании глубокие и стойкие впечатления, и он стал убежденным сторонником изучения и использования достижений тибетской медицины в России.

Вслед за доктором Реманом за основательное изучение тибетской и бурятской медицины выступили многие, в частности архиепископ Нил, который, живя среди иркутских бурят, активно начал изучать буддизм и тибетскую медицину, широко распространившиеся в Забайкалье и Восточной Сибири. Он опубликовал в печати два сообщения об искусстве врачевания бурятских лам-врачей, описал отдельные приемы и средства лечения больных. Однако Нил очень скоро понял, что взялся не за свое дело, и прекратил свои занятия по изучению тибетской и бурятской медицины, оставив в одном из своих изданий назидательный совет: «Желающие изучить основательно область этой науки могут найти нескучные к тому пособия в разных изданиях. Но, к каким бы источникам ни рассудил обратиться изыскатель, советуем ему не спешить своими умозаключениями» [4, с. 29—33 и др.]. Этим он хотел сказать, что кроме книжных сведений врачеватель по этой системе должен иметь дар, интуицию, опыт, неистребимую любовь к человеку. Кроме того, ламы передают свое учение в устной традиции, и далеко не всякому.

Доктор Реман и граф Муравьев-Амурский предложили одному из главных геленов Агинского дацана Цультому Бадмаеву перебраться в Петербург и с их помощью и при поддержке властей попытаться сделать тибетскую медицину и свое искусство врачевания достоянием русского общества. Цультим Бадмаев принял это предложение, будучи убежденным в том, что принципы тибетской медицины на новом месте и в новой культурной среде несомненно явятся достойным оружием в борьбе с различными недугами, подтачивающими здоровье людей и сокращающими их счастье и жизнь.

По прибытии в Петербург он сразу же приступает к врачебной деятельности. Глубокие знания и годами выработанная интуиция врача, необычные лекарственные средства, искусство врачевания и, наконец, этика тибетского врача сделали его популярным в столичном обществе. Многие стали обращаться к его услугам. Лама-врач стал приглашаться из Забайкалья лучших знатоков по фармакологии, терапии, хирургии. Дело ставилось на широкую ногу. Уже в 1860 г. по специальному указу Цультому Бадмаеву было официально разрешено заниматься врачебной практикой в военно-сухопутном госпитале. В официальной бумаге, присланной Медицинским департаментом военного министерства на имя главного врача 1-го военно-сухопутного госпиталя, определялись функции и границы деятельности Ц. Бадмаева, согласно которым он был обязан: «1. Лечить своими средствами больных, одержимых бугорчатой чахоткой во всех стадиях ее развития; 2. Испытывать свои средства над больными, одержимыми раком, но то и другое лечение должно быть проведено им под наблюдением госпитальных врачей; 3. Если запас привезенных им средств истощится, то он обязан уведомить об этом заблаговременно, чтобы

с экстренной почтой можно было при содействии Муравьева-Амурского получить оные. Если своими опытами он не докажет на деле пользы при лечении различных болезней, то правительство затруднится с разрешением ему медицинской практики в его стране».

В этике тибетских врачей есть императив, гласящий: «Врачайте страждущих, исцеляйте бесноватых, успокаивайте мстительных... Помните, что счастье ваше в исполнении долга». Цультим Бадмаев не только помнил это, но и делом доказывал. Он проявил большую уверенность в себе, в своих медицинских знаниях, своем искусстве врачевания и настолько умело и с любовью взялся за дело лечения чахоточных и одержимых раком больных, что уже через год выдержал экзамен на звание лекарского помощника, а 16 января 1862 г. Медицинский департамент Военного министерства уведомил Бадмаева, что он возведен в чин с правом носить военный мундир и в служебном отношении пользоваться правами, присвоенными военным врачам. Этим актом присвоения воинского звания была фактически официально признана правомерность и общественная полезность деятельности врача тибетской медицины в столице России.

В конце 1864 г. Бадмаеву, по просьбе его, высочайше разрешено прикомандироваться на два года к клиникам Петербургской медико-хирургической академии для изучения хирургии.

Приобретая в эти годы большую практику в столице и пожелав остаться здесь навсегда, он предложил свои услуги университету в качестве лектора монгольского языка, бесплатно, лишь с правами службы. Университет не упустил случая воспользоваться этим предложением и впредь до полного отпуска суммы, положенной по штату 1863 г., исходатайствовал ему через начальство оставление того содержания, какое он получал из Забайкальской области. С мая 1868 г. А. А. Бадмаеву разрешена выдача лекторского оклада [5].

Александр Александрович Бадмаев (этим именем он был наречен при принятии православной веры) за время пребывания в Петербурге стремился овладеть основами европейской практической медицины. Он воплотил свою мечту в жизнь: открыл первый в Европе и России стационарный кабинет тибетской медицины с аптекой, где он сам и его помощники из числа лучших бурятских лам-врачей, прибывавших к нему ежегодно из Забайкалья, принимали больных, изготавливали в больших количествах и выписывали нуждающимся сложные по составу тибетские медицинские препараты. Как знаток бурятского, монгольского и тибетского языков, доктор А. А. Бадмаев читал курс лекций студентам факультета восточных языков Петербургского университета.

Сокровенной мечтой А. А. Бадмаева было, конечно, осуществление перевода главного руководства по тибетской медицине — универсального четырехтомного сочинения «Чжуд-ши». По его ходатайству, специальным указом царя было велено сделать перевод трактата на русский язык и издать его, а расходы отнести на счет запасных фондов Медицинского департамента Военного министерства России. Главным переводчиком был назначен профессор монгольского языка Петербургского университета К. Ф. Голстунский, к которому был прикомандирован русский врач, видимо, владевший другими языками. Однако осуществить перевод на русский язык тибетского медицинского сочинения они не смогли, так как для этого необходимо было не только знание русского и монгольского языков, но и знание основ тибетской и европейской систем медицины.

А. А. Бадмаев скончался в 1873 г., почитаемый медицинской и университетской общественностью столицы, но не осуществивший свою мечту перевести на русский язык «Чжуд-ши» и сделать его достоянием русской и европейской медицины. Самый близкий его друг, доктор И. Реман, скорбя о преждевременной кончине знаменитого тибетского врача, с горечью писал: «Память этого превосходного, неиспорченного человека я почтил слезами искреннего сожаления. Я склонил его оставить свою счастливую кочевую жизнь, свое жилище, свои стада, друзей, братьев, сестер, родителей, наконец, своих богов для того, чтобы вдали от родины, в одиночестве,

среди незнакомой ему нации, в совершенно новой для него обстановке посвятить себя труду, чтобы когда-нибудь принести своему народу плоды медицинской науки. Имя этого незабвенного человека Цультим» (цит. по [6, с. 58]).

Деятельность бурятского врача Бадмаева как первого представителя тибетской медицины в Петербурге не была предана забвению. Цультим позаботился о том, чтобы его наследие оказалось в надежных руках. За два года до кончины он пригласил в Петербург своего младшего брата Жамцарана, окончившего в Иркутске в 1871 г. гимназию. К нему и перешло ценнейшее наследие старшего брата. Кроме того, нашлись энтузиасты — врачи и не врачи, проявившие любознательность и неподдельный интерес к практической стороне восточной медицины — бурятской, монгольской, тибетской и т. д. В Петербурге доктор С. Лобанов взялся за изучение тибетского языка под руководством академика В. П. Васильева, чтобы изучать тибетскую медицину по оригинальным работам. Бурятский врач Н. В. Кириллов, известный исследователь краевой патологии, сделал доклад в Иркутске на заседании Сибирского отдела Русского географического общества и ознакомил своих коллег с некоторыми аспектами деятельности бурятских и тибетских врачей в Забайкалье. Его перу принадлежат такие работы, как «О тибетской медицине бурятских лам» (1889), «Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье» (1893), «Знахарство в Забайкалье и фармация в тибетской медицине» (1894) и др. Этнограф Птицин, помощник присяжного поверенного, со слов бурятского ламы-врача Джадамбаева и переводчика Ирдынеева, сделал запись, затем подготовил и издал книгу «Этнографические сведения о тибетской медицине в Забайкалье».

Врачебная деятельность Цультима-Александра Бадмаева получила официальное признание и поддержку со стороны медицинской общественности и властей Петербурга. Это была первая и небезуспешная практическая попытка своеобразной «трансплантации» принципов тибетской медицины на инородную, европейскую, прежде всего на русскую социально-культурную почву. Хотя эти принципы получили общественное признание, но не приобрели признаков целостного социального института российской действительности. Основная причина — это языковой барьер. Цультому очень трудно давался русский язык, и он всю надежду на реализацию его идеи-программы возлагал на своего младшего брата Жамцарана.

Жамцаран был седьмым ребенком в семье. Он рос любознательным и сообразительным мальчиком. Рано стал приглядываться к ремеслу брата Цультима, к его фармацевтической и лекарской деятельности, радовался его известности, мечтал быть похожим на него, собирал травы, играл в эмчи — лекаря. Брат не мог не заметить увлечения мальчика. С одобрения родичей и старейшин степной думы, а также по совету брата и не без участия графа Муравьева-Амурского Жамцаран поступил в Иркутскую гимназию, стал прилежно учиться и окончил учебу с похвалой. Это было началом его самостоятельной жизни.

В 1871 г. он приехал в Петербург. Жамцаран очень скоро понял, что в столице перед ним открываются новые горизонты. Выдержав строгий экзамен и поступив учиться на факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-монголо-маньчжурскому разряду, Жамцаран стал с увлечением и настойчивостью изучать восточные языки. Параллельно он слушал лекции и сдавал экзамены в Медико-хирургической академии, чтобы быть компетентным в сфере европейской медицины. В то же время Жамцаран под руководством брата Цультима принялся за углубленное изучение методов и средств тибетской медицины по первоисточникам. Из богатого врачебного опыта эмчи-брата он черпал знания и навыки по пульсовой диагностике, диагностике по внешнему виду больного, особенно по «цветочи печени» — радужной оболочке глаза, по иглоукалыванию и прижиганию, технологии приготовления лекарств из самых различных веществ, доставляемых брату из стран Востока. Жамцаран впитывал в себя не только знания и навыки по врачебной науке Тибета, но и усваивал кодексы шести частей этики тибетских врачей: из первой части воспринимал традиции врачебного сословия, из второй — узнавал о достоинствах врачей, из третьей — о подлинных заслугах врачей, из четвертой — знания о знаниях врачей, из пятой — об обязанностях врачей, из шестой — о плодах их деятельности [2]. По настоянию брата, Жамцаран уже в годы учебы принял православную веру, назвался вторым (после Цультима)

¹ Современные представления об этих методах см. [7—9].

П. А. Бадмаев.

крестным сыном наследника — позднее Александра III, при крещении получил новое имя — Петр, в честь Петра I. Теперь его стали величать господином Петром Александровичем Бадмаевым.

Если брат Цультим прибыл в Петербург в зрелом возрасте, испытывал большие трудности в изучении русского языка и вынужден был приспосабливаться к новым обстоятельствам, то Жамцаран фактически шагнул в новую культуру: он в совершенстве овладел русским языком, получил университетское и по сути двойное медицинское образование, совершенствовался в знании языков восточных народов — монгольского, маньчжуро-китайского и особенно тибетского. А после смерти брата Цультима к Жамцарану по праву перешло его бесценное наследие, прежде всего врачебный кабинет с аптекой, где в больших количествах изготавливались и продавались приготовленные из восточных трав и корней необычные смеси-таны, хранились и пополнялись рецепты тибетских лекарств, а также многочисленные хирургические инструменты и наставления по их использованию при производстве операций.

По окончании университета в 1875 г. П. А. Бадмаев, как знаток восточных языков, был оставлен на факультете в должности лектора монгольского языка. Одновременно он был определен на службу чиновником Азиатского департамента Министерства иностранных дел. В свободное от службы время с упованием занимался своим любимым делом — углублением знаний по тибетской медицине и врачебной практике.

Петр Бадмаев по роду своих занятий, как врач тибетской медицины, дипломат и знаток Востока, имел много знакомых среди высокопоставленных особ, друзей, соперников, поклонников и откровенных недругов и завистников. С большой симпатией к нему относился, например, граф С. Ю. Витте, который называл его «типичнейшим азиатом», «человеком большого ума». П. А. Бадмаев открыто боролся с всесильным министром внутренних дел Плеве против его политики угнетения в отношении инородцев, в том числе и бурят. Когда Бадмаев отобрал в Забайкалье даровитых юношей и открыл для них гимназию в Петербурге, то Плеве пригрозил выслать его в Архангельск. Зная шаткость положения Плеве, Бадмаев тотчас ответил: «Я поеду туда только с вами» [10, с. 19]. Дипломат

Морис Палеолог, ярый монархист, далекий от медицины, пытался представить Бадмаева невежественным. Однако В. П. Семенников, оценивая деятельность П. А. Бадмаева, писал, что «он получил университетское образование и обладал значительным природным умом» и назвал его «птицей большого полета» [11, с. 4, 12], «звезда которого с наибольшей энергией излучала в трех главных направлениях: в сфере изучения системы тибетской медицины и использования ее принципов во врачебной практике; в сфере русской политики и особенно политики на азиатском Востоке; в сфере коммерческих дел, преимущественно по части организации железнодорожных концессий» [там же, с. 12].

Не будем затрагивать те стороны деятельности П. А. Бадмаева, которые касаются сферы политики и коммерции (см. об этом в [11]). Рассмотрим лишь медицинскую сторону деятельности П. А. Бадмаева, в центре которой стояла цель — достижение широкого научного и общественного признания тибетской медицины в России и Европе и использование ее на благо людей.

Начнем с того, что попытаемся сделать ретроспективный эскиз его портрета как врача тибетской и европейской медицины. Сразу подчеркнем, что медицинские познания и навыки врачевания Бадмаева были безусловно основательными. В предисловии к «Главному руководству по врачебной науке Тибета Жуд-ши» доктор Бадмаев писал: «Мне пришлось изучать врачебную науку Тибета под руководством моего брата, известного знатока этой науки, который учился у бурятских, монгольских и тибетских лам-врачей. После смерти моего брата я продолжал это изучение под руководством лучших врачей в бурятских степях, пополнял свои знания сведениями, сообщавшимися мне ежегодно, в продолжение 20 с лишком лет знатоками этой науки, которые приезжали в Петербург и каждый раз проживали у меня не менее полугода, давая мне свои указания и советы» [6]. Кроме того, П. А. Бадмаев, как и его брат Цультим, получал тибетские источники через знакомых монгольских и тибетских лам-врачей. «Благодаря знакомствам на Востоке, — писал он, — мне удастся получить редкостные книги, лекарства и другие предметы, необходимые для полного изучения тибетской медицины, хотя мне их приходилось ждать иногда десятки лет. Подлинные сочинения по медицине, анатомии, физиологии, эмбриологии, зоологии, ботанике и минералогии, хирургические инструменты и различные лекарства, а также рисунки могли быть приобретаемы только при помощи людей знающих, которые теперь не часто встречаются в Тибете и сопредельных с ним областях» [6, предисловие].

П. А. Бадмаев не ограничился изучением основ тибетской медицины, методическими указаниями своих учителей и приготовлением лекарственных средств сложного состава. Он получил второе медицинское образование в Петербургской медико-хирургической академии. Об этом он ставил в известность членов медицинского совета: «Я прошел полный курс в Императорской медико-хирургической академии, сдав все экзамены, за исключением одного, от сдачи которого я отказался потому, что не мог пользоваться дипломом, так как правила диплома не допускают лечить больных средствами врачебной науки Тибета, неизвестными европейской медицине» [12, с. 51].

П. А. Бадмаев в течение почти полувека изучал систему врачебной науки Тибета, применяя и совершенствуя свои познания в процессе общения, обследования, диагностики и лечения больных, накапливал факты клинических наблюдений. Он сообщал, что «с 1875 по 1897 год только амбулаторные больные посетили тибетский врачебный кабинет 270.501 раз, а с 1889 по 1897 год, т. е. за 11 лет, было 169.839 посещений, причем было отпущено 2.462.720 порошков» [2, предисловие].

П. А. Бадмаев только однажды прервал свои занятия и с целью углубления познаний выехал на Восток, был в Чите и, видимо, негласно посетил г. Ланчжоу-фу и, возможно, Тибет. В конце 1896 г. он вернулся в Петербург, привез уникальные материалы по врачебной науке Тибета [10]. Это стало известно его клиентуре, и больные зачастили в его кабинет на Литейном. «У меня излечились десятки тысяч больных с болезнью “боро”. Эти больные приходили ко мне с разными диагнозами европейских врачей: кто определял катар желудка, другой язву желудка, рак желудка, атанею, диспепсию, малярию, неврастению, туберкулез и т. д. Все эти больные излечились при употреблении лекарства “Шижет дугба” № 179 совместно с другими лекарствами» [12, с. 22]. Со всей ответственностью П. А. Бад-

маев писал в «Ответе», что «если в моих руках врачебная наука Тибета приобрела такую огромную аудиторию и амбулаторию в России, то бесспорно при наличии большого количества трудоспособных и дипломированных врачей в короткий период времени эта наука делается общим достоянием России, у которой должна будет позаимствовать ее и вся Европа» [12, с. 51].

В историко-научной части своих исследований П. А. Бадмаев описывает те пути и каналы, по которым сведения о тибетской системе медицинских знаний проникали в другие страны. Тибетская медицина стала проникать в Забайкалье в конце XVII — начале XVIII в. Он настаивает на том, что именно отечественные медики и ученые первыми в Европе обратили внимание на систему медицинских и этических знаний Тибета: «Вопрос об изучении врачебной науки Тибета был возбужден в правительственных кругах впервые в нашем Отечестве еще в начале XIX века доктором Реманом» [13, с. 59]. В 1828 г. профессор Петербургской медико-хирургической академии П. Чаруковский впервые применил в лечебной практике методы игло-терапии и прижигания. Вторично вопрос о необходимости изучения врачебной науки Тибета был возбужден официально графом Муравьевым-Амурским. «Граф на деле убедился в необычайной ее пользе в то время, когда в Чите свирепствовала тифозная эпидемия» [там же, с. 61]. П. А. Бадмаев отдает должное известному венгерскому путешественнику, ориенталисту-филологу Чома-де-Кёреши, который в 20-х годах XIX в. тоже пытался ознакомить европейский ученый мир с врачебной наукой Тибета, но, «будучи только филологом, не усвоил себе сущность этой науки» [2, с. 22]. Английский доктор Уайз в 1867 г. издал книгу «Обозрение истории медицины», включив в нее параграф об истории тибетской и индийской медицины, однако и он, по мнению П. А. Бадмаева, «не мог передать образованному миру сущность тибетской врачебной науки» [там же, с. 27]. Не могли это сделать и востоковеды, которые, по словам П. А. Бадмаева, «хотя и старались ознакомить образованный мир с тибетской медициной, но преуспели лишь в одном — это возбудить сомнения в научных ее положениях, а потому, может быть, и отняли у многих желание изучить эту область знания» [там же, предисловие].

П. А. Бадмаеву как исследователю и переводчику пришлось идти по непроторенному пути. «Помимо знакомства с языками, на которых изложена система, — писал он, — надо было исследовать все самому, быть убежденным врачом и хорошо знать системы как европейской, так и тибетской медицины. К сожалению, европейские ученые врачи слишком заняты каждый своей специальностью, чтобы уделить время на изучение врачебной науки Тибета. К тому же тяжело изучать неизвестный предмет, искать истину, выработанную и изложенную где-то там, в далекой Азии, на языках, мало кому понятных» [там же, с. 4].

Длительная и кропотливейшая исследовательская работа П. А. Бадмаева как врача тибетской и европейской медицины, продолжавшаяся почти четверть века, завершилась изданием крупного сочинения — «О системе врачебной науки Тибета» (1898). В предисловии к своему сочинению П. А. Бадмаев говорит, что это «извлечение из первых двух книг Жуд-Ши»¹. Как показал Э. Г. Базарон, это было первое крупное исследование и издание на русском языке первых двух томов главного руководства индо-тибетской медицины, хотя и не лишенное неизбежных для того времени недостатков [14, с. 22].

Издание сочинения «О системе врачебной науки Тибета» в 1898 г. для П. А. Бадмаева, несомненно, было важным событием в его деятельности. Тем самым фиксировалось завершение первого этапа исследования. «Издавая этот выпуск, самый трудный, притом на языке, совершенно чуждом подлиннику, представляю его на суд образованного мира, имеющего свою медицинскую систему, последователи которой вправе относиться с предубеждением к какой-либо иной.

Искренне желаю, чтобы читатель мог уяснить себе систему врачебной науки Тибета, которая считается последователями ее тоже непогрешимой» [2, предисловие].

Это был первый этап институционализации тибетской медицины в России. Сообщество врачей России в конце XIX в. и начале XX в. из отдельных газетно-журнальных статей знало в общих чертах о существовании этой древней системы

¹ У Бадмаева — «Жуд-Ши», в современной же транскрипции — «Чжуд-ши».

знания. Выход в свет «Чжуд-ши» дал возможность ученым-врачам ознакомиться с этой системой врачебной науки. Естественно, что восприятие содержания этого сочинения не могло быть единодушным. И критиков, и сторонников было немало. Автор же не желал вступать в полемику с критиками. «Мне совершенно бесцельно вступать в полемику с теми врачами, которые позволяют себе отрицать то, что вовсе не понимают» [12, с. 2].

Через 5 лет после выхода в свет первого выпуска «Чжуд-ши», т. е. в 1903 г., П. А. Бадмаев издает второй, но уже под другим названием «Главное руководство по врачебной науке Тибета “Жуд-Ши”». Это сочинение включает: «Предисловие», «Основы врачебной науки Тибета», «Исторические сведения о врачебной науке Тибета», «Схема системы врачебной науки Тибета», «Первая книга “Жуд-Ши”» (6 глав), «Вторая книга “Жуд-Ши”» (31 глава). Последняя, 31-я глава называется «Этика тибетских врачей». Второй выпуск книги, как и первый, представлял собой «вольный перевод» «Чжуд-ши», с той лишь разницей, что автор попытался прокомментировать некоторые положения тибетской медицины через призму теоретических представлений европейской биологии и медицины. Он сопоставляет понятия о жизни, данные представителями европейской научной мысли — Шеллингом, Ришераном, Де-Бленвилем, Дж. Г. Льюисом, Г. Спенсером. Не удовлетворяясь ни одним из них, он дает свое определение: «Жизнь должно называть целесообразную самодетельность в органическом мире вообще и в организме человека в частности, направленную к самосохранению и вызванную проявлением особой силы» [6].

Для аргументации такого понимания сущности жизни П. А. Бадмаев пытается сопоставить и отождествить две концепции живого — в тибетской медицине и в европейской науке, а именно в клеточной теории. Он пишет, что «врачебная наука Тибета связывает жизнь с постоянством энергии жизненной теплоты живой единицы. Физиологические процессы для поддержания определенной энергии жизненной теплоты ведут борьбу с внешними или с внутренними, с отдаленными или ближайшими, с постоянными или временными причинами, стремящимися нарушить эту энергию жизненной теплоты» [2, с. 9, 10]. П. А. Бадмаев считает, что «это положение не изменится и в том случае, когда идет речь о клетке», так как «и клетка для своей жизнедеятельности нуждается в определенном пространстве, в определенном количестве влаги и воздуха, твердых веществ из почвы, в определенной энергии теплоты — света». Далее он размышляет: «Все, что происходит в клетке, происходит в целом организме; все, что испытывает целый организм, надо полагать, то испытывает и клетка. Вопрос заключается в том, чтобы приход и расход жизненных сил не производили бы колебания в постоянстве энергии жизненной теплоты» [там же].

Кроме теоретической и практически-медицинской мы должны оценить и медико-организационную сторону деятельности П. А. Бадмаева, которая вдохновлялась идеей организации в Петербурге общества, могущего способствовать скорейшему исследованию врачебной науки Тибета. В докладной министру внутренних дел он указал, что источником финансирования общества могли бы стать средства, поступающие к нему от продажи медикаментов. Эти средства были не так уж малы. Так, П. А. Бадмаев сообщает министру, что за 1909 г. пациентам, посетившим его кабинет, было отпущено 478 008 порошков разной дозировки на общую сумму 47 800 руб., и доказывает, что «и не трудно будет Обществу с таким солидным ежегодным доходом пополнять аптеку, приобретать книги врачебной науки Тибета, приглашать знатоков этой науки из бурятских степей, Монголии, Тибета, Куку-Нора и Китая, субсидировать молодых ученых врачей, отпускать суммы на переводы и издание книг врачебной науки Тибета на русский и европейские языки, открывать приюты для больных и желающих улучшить и сохранить свое здоровье» [13, с. 70].

«Новообразованное Общество, — доказывал П. А. Бадмаев министру, — обладая значительными денежными средствами, благодаря аптеке, может оказать величайшую услугу своему Отечеству. Не обременяя казну, может открывать образцовые приюты для больных, будет способствовать появлению образованнейших и гуманнейших врачей — знатоков врачебной науки Запада и Востока, изучивших экономическую жизнь этих стран», так как «врачебная наука Тибета проповедует

изучение экономических наук, ибо развитие многих болезненных процессов находится в тесной связи с экономическим положением страны» [там же].

Создание Общества врачебной науки Тибета П. А. Бадмаев тесно связывал с подготовкой квалифицированных врачей из числа способных молодых людей, «которые, изучив монгольский и тибетский языки и врачебную науку Тибета, в то же время окончили бы курсы Военно-медицинской академии или медицинские факультеты других университетов с дипломами врачей, представив им право практиковать по системе врачебной науки Тибета» [там же]. По мнению П. А. Бадмаева, именно такие врачи, знающие теорию и практику европейской и тибетской медицины, разные языки, могут стать компетентными представителями врачебной науки Тибета и будут способствовать слиянию двух самостоятельных медицинских наук Запада и Востока на благо страждущего человечества всего мира. П. А. Бадмаев высказал мысль о том, что для подготовки врачей тибетской медицины необходимо предварительно провести мотивационный отбор способной молодежи на предмет выявления направленности внутреннего мира абитуриента.

Одновременно П. А. Бадмаев ходатайствовал перед департаментом духовных дел иностранных исповеданий о разрешении ввести тибетскую медицину среди бурятских и калмыцких народностей в законодательном порядке; об открытии пяти тибетских медицинских школ в дацанах с семилетним обучением; об установлении контроля над самозванными врачами и охране страждущих от вымогательства и корыстолюбия туземных врачей; о запрещении таксы с немущих больных за лечение средствами тибетской медицины и т. д. Его усилия увенчались успехом. Департамент разрешил открыть в Восточной Сибири для бурятского населения, насчитывающего в то время 270 тысяч человек, две медицинские школы для бурят и одну для калмыков. Инициатива об открытии медшколы для калмыков, надо полагать, исходила от калмыка казацкого сословия Дамбо Ульянова, который в конце XIX — начале XX в., будучи штатным лекарем-ламой войска Донского, прославился своим искусством врачевания по тибетской системе и переводами тибетской медицинской литературы. Возмозно, П. А. Бадмаев и Д. Ульянов были знакомы, общались, делились опытом, обсуждали проблемы перевода тибетской медицинской литературы. Такое общение значило для обоих очень много.

Врачебная наука Тибета, попав на российскую почву сначала в Восточном Забайкалье, затем в Восточной Сибири, далее в Петербурге, обрела новую жизнь. С 1860 по 1920 г. в России были опубликованы не только два выпуска трактата тибетской медицины «Чжуд-ши», но также целая серия статей других авторов, доказывающих необходимость организации широкого и основательного изучения этой науки. Среди этих публикаций следует назвать перевод и издание первой части комментария к «Чжуд-ши» — «Вайдурья-онбо», сделанном калмыком казацкого сословия Дамбой Ульяновым, а также составленный А. М. Позднеевым «Учебник тибетской медицины» и изданный в Петербурге в 1908 г.

Важную роль в распространении принципов врачебной науки Тибета сыграли организационные моменты: создание Пультимом Бадмаевым врачебного кабинета и аптеки при нем, разрешение ему заниматься врачебной практикой в военном госпитале. В дальнейшем кабинет и аптека тибетской медицины в Петербурге превратились в центр по изучению этой науки и использованию ее принципов в лечебном деле. Важным событием институционализации врачебной науки Тибета в столице явилось издание П. А. Бадмаевым двух выпусков «Ответа на неосновательные нападки членов медицинского совета на врачебную науку Тибета», сначала в 1911, потом в 1915 г. Этот важный документ, дающий относительно целостную картину проникновения и утверждения тибетской медицины в России, свидетельствовал о том, что в столице есть крупный знаток этой науки, по существу, лидер движения за признание авторитета системы врачебной науки Тибета, который не только ведает врачебным кабинетом и аптекой, превратившимися в лабораторию по изготовлению тибетских лекарственных средств, но одновременно ведет большую исследовательскую работу и непосредственно занимается врачебной практикой. Благодаря его неутомимой деятельности, «имея орудием достояние тибетской медицины, работая не покладая рук, всю жизнь, для блага больных» [12, с. 6], принципы и лечебные средства этой науки получили широчайшее признание российской об-

щественности. «Из 600 000 посещений более 300 000 принадлежат трудовому классу», — писал П. А. Бадмаев [там же, с. 69].

Жамцаран-Петр Александрович Бадмаев был сыном своего времени, волею судьбы попавшим в среду дворянской знати и оказавшимся близким к царствующему двору. Обстоятельства сделали его сложной и противоречивой личностью, не лишённой, однако, прогрессивных устремлений. Его деяния в сферах политики и коммерции блекнут на фоне многолетней, неутомимой и благородной деятельности в сфере врачебной науки Тибета в столице России, имевшей четко обозначенную цель — добиться утверждения врачебной науки Тибета в России и Европе. Это была сложная задача. Он сознавал это и не терял присутствия духа: «Несмотря на всевозможные нападки с разных сторон, я скромно шел вперед, имея в руках орудием лишь факты выздоровления тяжело больных», — писал П. А. Бадмаев [12, с. 11].

Макс Планк, делясь своими наблюдениями о перипетиях и коллизиях судьбы научных истин, высказал шокирующие слова: новая научная истина торжествует победу не тогда, когда переубеждают ее противников и открывают им глаза, а когда противники новой истины в конце концов умирают и вырастает новое поколение, воспитанное на принципах новой теории. Похоже, что противники врачебной науки Тибета постепенно вымирают. Выросло новое поколение ученых-медиков, готовых докопаться не только до генов и хромосом, но и до сути мудреных иносказаний древних тибетских врачей.

Список литературы

1. Шуккин Н. С. Буряты // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1849. Ч. 25—26. С. 64—92.
2. Бадмаев П. А. О системе врачебной науки Тибета. Вып. 1. СПб., 1898.
3. Rehman J. Beschreibung einer Thibetanschen Hand-apotheke. St.-Petersburg, 1822.
4. Нил. Врачебное искусство у забайкальских лам // Вестник РГО. 1857. Кн. 4. Ч. 20. Разд. 5.
5. Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет существования. СПб., 1870.
6. Бадмаев П. А. Главное руководство по врачебной науке Тибета «Жуд-Ши». СПб., 1903.
7. Пульсовая диагностика в тибетской медицине. Новосибирск, 1988.
8. Иридодиагностика. М., 1988.
9. Гава Лувсан. Очерки методов восточной рефлексотерапии. Новосибирск, 1980.
10. Гусев Б. Бадмаевы: легенда и быль // Неделя. 1988. № 15.
11. Семенников В. П. Тибетский врач и русская монархия // За кулисами царизма (архив тибетского врача Бадмаева). Л., 1925.
12. Бадмаев П. А. Ответ на необосновательные нападки членов медицинского совета на врачебную науку Тибета. СПб., 1911.
13. Бадмаев П. А. Справка о положении врачебной науки Тибета в России. СПб., 1910.
14. Базаров Э. Г. Очерки тибетской медицины. Улан-Удэ, 1984.

В. И. КУЗНЕЦОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВДЫ ОБ АКАДЕМИКЕ В. Н. ИПАТЬЕВЕ

В отличие от установившихся в наших научных журналах порядков, в этой статье мне по необходимости придется вести повествование от первого лица. Вызвано это тем, что значительная часть информации, содержащейся в статье, так или иначе связана с моими давними, но трудно реализуемыми планами — поближе познакомиться с жизнью и деятельностью крупнейшего ученого, подлинного революционера в науке, В. Н. Ипатьева.

Впервые о В. Н. Ипатьеве я узнал в 1937—1938 гг. от моего учителя, профессора Саратовского университета, члена-корреспондента АН СССР В. В. Челинцева, для которого Ипатьев был кумиром. Он преклонялся перед ним не только как перед ученым, достигшим важных результатов в области химии и химической технологии, но и как перед человеком, доступным, открытым, готовым всегда с радостью поделиться знаниями, опытом и, казалось, даже талантом. Но тогда,